

Содержание

ISSN 2587-8190

Алексей Попович. Жертва «живая» и «мертвая». <i>Топос и разноречие контекста в книжности Древней Руси XI–XIV веков.</i>	115
Михаил Люстров. Гренландская тема в русской литературе XVII–XVIII веков	136
Олег Ларионов. К источникам «Разговора о счастье» Н. М. Карамзина	147
Андрей Люстров. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». <i>Судьба двух редакций в школьном каноне</i>	160
Екатерина Колеватова. Финансовые махинации и драматический конфликт. <i>Сюжетные схемы и функции персонажей в русской драматургии второй половины 1870-х годов</i>	174
Алина Соломонова. Особенности изображения ощущений и создания заболевшего персонажа (<i>на примере произведений А. П. Чехова</i>)	187
Оксана Толстоноженко. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века	207
Катерина Брылева. Воспоминания зятя. <i>Об одном источнике сведений Николая Гумилева о Т. Готье.</i>	221
Илья Веницкий. «Завещание Сергея Есенина». <i>История одной мистификации.</i>	234
Анастасия Трушина. Функция библейских подтекстов в очерке М. А. Булгакова «Часы жизни и смерти»	276
Екатерина Тарасова. Из чего сделана «Пиковая дама» Евгения Замятина?	282
Александр Кобринский. Хармс – кинозритель. <i>Из реального комментария к записным книжкам</i>	299
Александр Жолковский. Разбор трех разборов. <i>Автоэвристические заметки.</i>	312

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2019 XV (2–3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2019 (2-3)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Фин-
ляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnââ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2019

© «Летняя школа по русской литературе», 2019

Contents

Alexey Popovich. Victim “Living” and “Dead”. <i>A Topos and the Contradiction of Context in the Books of Ancient Russia of 11th–14th Centuries</i>	115
Mikhail Ljustrov. Greenland Theme in the 17–18th Centuries Russian Literature.	136
Oleg Larionov. Towards the Sources of Nikolay Karamzin’s “Conversation on Happiness”.	147
Andrey Lyustrov. N. V. Gogol’s “Taras Bulba”. <i>Two versions in the Russian school canon</i>	160
Ekaterina Kolevatova. Financial fraud and dramatic conflict. <i>Plot schemes and character functions in Russian drama in the second half of the 1870s</i>	174
Alina Solomonova. Artistic Peculiarities of Representation an Ill Character’s Esthesia and Consciousness (<i>by the Example of the Works of Anton Chekhov</i>)	187
Oxana Tolstonozhenko. Towards the Invention of Professional Identity of Early 20th Century Autodidact Writers	207
Katerina Bryleva. The memoirs of the son-in-law. <i>One of Nikolai Gumilev’s sources of knowledge about T. Gautier</i>	221
Ilya Vinitsky. “Sergei Esenin’s Last Will and Testament”. <i>The Origins of a Mystification.</i>	234
Anastasia Trushina. The function of biblical subtext in The Story “Hours of Life and Death” by Mikhail Bulgakov	276
Ekaterina Tarasova. What is Evgenij Zamjatin’s “The Queen of Spades” made of?	282
Alexander Kobrinsky. Daniil Kharms as a moviegoer. <i>Preliminary notes</i>	299
Alexander Zholkovsky. Analyzing three analyses. <i>Autoheuristic Notes</i>	312

Editorial Board:

Alexey Balakin, Elena Glukhovskaja,

Aleksander Kobrinskij (Chief Editor),

Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova, Aleksandra Chaban

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АЛЕКСЕЙ ПОПОВИЧ
(Екатеринбург)

ЖЕРТВА «ЖИВАЯ» И «МЕРТВАЯ»

*Топос и разноречие контекста в книжности
Древней Руси XI–XIV веков*

Статья посвящена выявлению семантики понятия «жертва» и формированию его топики в памятниках древнерусской литературы XI–XIV веков. Исследование основано на материале разножанровых текстов и произведений; в результате анализа языковых данных и образных рядов описывается возникновение в литературе конфликта между греховной «внешней» жертвой и спасительной «внутренней» жертвенностью. Отдельно рассмотрена специфика образного воплощения жертвы в памятниках Борисоглебского цикла, отмечена особенность поэтики, заключающаяся в «ритуализации» художественного языка для описания жертвенного подвига, что свидетельствует об этапе перехода, ведущего к дальнейшему изменению коннотаций и семантического наполнения топоса жертвы.

Ключевые слова: жертва, топос жертвы, жертвенность, история понятий, поэтика древнерусской литературы, памятники Борисоглебского цикла.

Информация об авторе: Алексей Игоревич Попович, студент Уральского федерального университета. Екатеринбург, Россия.

E-mail: alexeupowich@mail.ru

Victim “Living” and “Dead”

*A Topos and the Contradiction of Context in the Books
of Ancient Russia of 11th–14th Centuries*

The article is devoted to the identification of the semantics of the concept of victim and the formation of its topos in the Old Russian literature of the 11th–14th centuries. The study is based on the material of multi-genre works, the result of the analysis of linguistic data and imagery is a description of the conflict in the literature between the sinful “external” victim and salvific “internal” sacrifice. In particular, the article considers the specifics of the figurative embodiment of the victim in the literary monuments of the Boris and Gleb’s cycle. The author notes the peculiarity of poetics, which consists in using the “ritualization” of the literary language to describe the sacrificial feat, which indicates the stage

of transition leading to a further change in the semantic content of the topos of victim.

Key words: victim, topos of victim, sacrifice, history of concepts, poetics of Old Russian literature, Boris and Gleb's cycle.

About the author: Alexey Popovich, student at Ural Federal University. Yekaterinburg, Russia.

E-mail: alexeypopowich@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-2-3-115-135

Важным шагом для понимания многих явлений поэтики древнерусской литературы, особенно тех, которые обнаруживаются на протяжении нескольких веков ее существования и получают статус «общего места», представляется описание семантики входящих в них понятий. Понятие «жертва» и связанный с ним комплекс мотивов, сюжетов и топосов представлены в литературе бесчисленным количеством противоречиво соотносенных между собой смысловых линий: от языческого приношения и пассивной жертвы преступления до риторической фигуры и подвига самопожертвования. Очевидно, что многие из них отсутствовали в более ранней литературе по разным причинам, среди которых важнейшее место занимают собственно языковой фактор, а также причины литературного характера, связанные с принципами повествования, сюжетостроения, создания образности и т. д.

Эта работа представляет собой начальную попытку приложения к понятию «жертва» инструментария исторической семантики и истории понятий. Представляется, что развитие литературы, появление новых и усложнение старых художественных методов и приемов так или иначе связаны с динамикой понятийного аппарата, и анализ «разноречивых» проявлений понятия «жертва» в книжности XI–XIV веков позволит выявить его роль в литературе того времени, а также обозначить специфику его дальнейшего художественного воплощения.

Лексикографический комментарий, позволяющий указать на существующее в русском языке противоречие между богословским и конкретно-материальным воплощением жертвы, можно найти уже в «Лексиконе трехязычном...» Ф. П. Поликарпова-Орлова, напечатанном в 1704 году: «жертва, θυσία, victima, hostia», «жертва безкровная, αναίμακτος θυσία,

sacrificium».¹ Если латинское слово «hostia» связано с обрядом евхаристии, то слова «victima» и «sacrificium» в латинском языке четко противопоставлены, как и во многих современных европейских языках и в литургическом творчестве. Специфика русского слова «жертва» заключается в том, что в нем оказались соединены оба полюса: семантика жертвенных животных и предметов, насильственной смерти и семантика самопожертвования, жертвенного подвига Христа.

Словарь Академии Российской, вышедший в 1789–1794 годах, помимо основного, дает с соответствующей пометой «преносные» значения слова «жертва»: «иногда называется человек невинно в каком-нибудь случае погибший», «отречение выгод своих в пользу чью»² — и слова «жертвовать»: «лишиться чего-нибудь любезного, необходимо нужного из любви к кому».³ Вероятно, переносность данных значений в XVIII веке связана с усложнением семантики — расширением значения из преимущественно материальной или духовной сферы (в церковной обрядовости они соприкасаются) в сторону абстрактности и обмирщения.

Отсутствие у слова этих значений в памятниках книжности до Нового времени подтверждается данными исторических словарей: в словаре И. И. Срезневского⁴ и Словаре русского языка XI–XVII веков⁵ слово «жртва (жрътва, жрътва, жртва)» не обнаруживает в себе этих значений: «предмет или живое существо, приносимое в жертву божеству» и «обряд жертвоприношения» — скорее наоборот подчеркивается предметность семантики, отсюда и такие производные, как «жертвенникъ», «жертвенная» «все, что приносится в жертву», «жертвеносецъ» «тот, кто приносит жертву», «жертвище» «место приношения жертв; языческий храм», «жретель» «жрец». В современном русском литературном языке отсутствует специальный глагол

¹ *Поликарпов-Орлов Ф. П.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище... М., 1704. Л. 105.

² Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб., 1790. Ч. 2. Стлб. 1187–1189.

³ Там же. Стлб. 1190.

⁴ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: [В 3 т.] СПб., 1893. Т. 1. Стлб. 888–889.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 94–96.

«жръти (жъръти)» ‘совершать жертвоприношение’, а также его производные «жръние» ‘действие по глаголу «жръти»’ и «жрътися» ‘приноситься в жертву’.¹ Многие из этих слов сохранялись в языке до XVIII века, само же слово «жертва» сегодня продолжает употребляться в самых разных своих значениях, актуализация той или иной семантики стала зависеть от субъективного фактора (ср. такие выражения, как «жертва режима», «жертва преступления», «жертвовать деньги» и т. п.).

Вероятно, после принятия на Руси христианства слово «жертва» в книжности не развивало активно своего переносного значения по разным причинам, среди которых можно предположить как негативные ассоциации с ритуальной дохристианской действительностью (связь с явлениями треб, кормления духов, заклятия животных, обрядовых трапез²), так и сдерживание этого процесса сакральным православным контекстом. Логично предположить, что общая тенденция к секуляризации, с особой силой проявившаяся в русской культуре в XVII–XVIII веках, в так называемое Новое время, отразилась и на судьбе понятия «жертва».

Говоря об истории понятий, мы следуем не столько за классическими школами вроде немецкой *Begriffsgeschichte* (Р. Козеллек) или «кембриджской школы» (Кв. Скиннер, Дж. Покок), сколько за предложенным В. М. Живовым широким ее пониманием как «истории культуры».³ С этой точки зрения важно не слово, которое является единицей лексической системы языка, и не понятие, встроенное в социально-историческую реальность, а определенный потенциал, обладая которым, понятие и реалья, стоящая за ним, включаются в новые культурно-исторические контексты. Такова, например, реальность текста (литературного и т. д.), в котором возможны явления разного рода: от умолчания и синонимии до метафоризации и концептуализации.

¹ Там же. С. 123.

² Подробнее см: *Бушкевич С. П.* Жертва, жертвоприношение // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 208–215.

³ *Живов В. М.* История понятий, история культуры, история общества // *Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени* / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 5–26.

Данные письменного языка, которые используются сегодня для реконструкции мировоззрения человека допетровской эпохи, по большей части принадлежат сфере древнерусской церковной письменности и литературы. Когда речь идет о таких культурно (религиозно) насыщенных словах, как «жертва», внимание исследователя должно быть обращено не только на конкретную семантику слова, но и на тот ряд художественных, в т. ч. символических смыслов, которые формируются вокруг слова и за которыми стоят определенные представления создателей текстов.

В Древней Руси XI–XIV веков смыслопорождение внутри лексемы «жертва» продолжает, как и в более архаичное время, осуществляться в категориях вещественности и материальности даже в идеальном, сакральном контексте, когда речь идет об обряде евхаристии или о тех растительных и животных продуктах, которые приносятся для освящения в церковь.

Свидетельства о распространенности этих смыслов в бытовой среде того времени можно найти в различного рода фиксациях диалектной речи, которая чаще всего имела дело с гораздо менее одобрявшимися церковью обрядами, так или иначе связанными с жертвоприношениями: ритуалами водной и строительной жертвы, ритуальными трапезами, братчинами и т. п., часто сопровождавшимися вербальным оформлением — т. н. ритуальной речью.¹ Древнерусские памятники также сохранили в себе сведения преимущественно обличительного характера об обрядности древних славян. Обличения со стороны книжников не всегда были справедливыми, многие из таких текстов представляли собой переложения и переводные компиляции, обращаясь к которым, однако, можно реконструировать некоторые представления книжников о языческих верованиях древних славян.²

¹ Подробнее см. исследование в русле этнолингвистики: *Петкевич А. В.* Жертвоприношение в русской символической картине мира: Магистерская дисс. Екатеринбург, 2007. (На правах рукописи). Благодарим Е. Л. Березович, любезно предоставившую нам текст этой работы.

² См.: *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.; *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. М.; Харьков, 1913–1916.

Многочисленны археологические находки, например, поделки и украшения с мифологическими существами, фигурки божков, изваяния идолов и проч.;¹ бесчисленны ритуальные следы в фольклоре² и т. д. Приношения жертв роду и рожанице упоминаются в вопросе Кирика XII века:

Аже се родоу и рожаницѣ крають хлѣбы, и сиры, и медъ? — Боронаше велми: нѣгдѣ, рече, молвить: «горе пьющимъ рожаницѣ!».³

На жертву в языческом прошлом Руси обращает внимание и Повесть временных лет:

И жряхут (приносят жертвы — *А. П.*) имъ, наричуще *богы*, и привожаху сыны своя, и жряху бѣсомъ, и осквѣрняху землю требами своими. И осквѣрнися требами земля Русская и холмъ ть.⁴

В таком контексте жертва приобретает негативную, описываемую книжниками во всех неприглядных подробностях образность, в литературе она соотносится с бесовским миром:

Блядивыя жертвы ученьемъ дьяволимъ, ізобрѣтено потвореньемъ темнаго бѣса і кощоннаг, злымъ кладомъ. Зловѣрніі мняще суету истинную, служаще і кланяющесе ідолом, нѣкое ухищренье творят. Мыже сихъ чада отмѣтаемься нечестивыхъ жертвъ і дьева (дьявольского — *А. П.*) служенья і кладенья трѣбъ, критьскаго окаяннаго учителя і мамеда проклятаго (образы, явно заимствованные в процессе перевода — *А. П.*)⁵ —

именно таков взгляд составителя-переводчика «Слова святого Григория», в заглавии которого подчеркивается актуальность обличения: «то і нынѣ творят».

¹ См., например, в кн.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

² См.: Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.

³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи... // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: (Памятники XI–XV вв.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1880. Т. 6. Стлб. 31.

⁴ Повесть временных лет / Подг. текста, пер. и комм. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 126, 128.

⁵ Слово святого Григория изобретено в тольцех... // Пономарев А. И. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 231

В том же ключе, как «жертва дьяволу», изображается повседневная греховность человека, особенно пьянство, зачастую осуждаемое наравне с языческими пережитками и связываемое именно с этим типом верований. В приписываемом Феодосию Печерскому «Поучении о казнях Божиих» встречается такой пассаж, на литературную оригинальность которого по сравнению с источником («Златоструем») обратил внимание еще И. И. Срезневский¹:

Бъси бо ради бывають о нашемъ пьянствѣ, и радующеса приносять къ дьяволу жертву пьянственую отъ пианиць; дьяволъ же, радуясь, глаголетъ: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть.²

Негативным было и отношение книжников к «играм и плясаніям»:

Сѣдоша бо, рече, людие ясти и пити, и быша сыти и пьяни, и восташа играти плясаніемъ; и по плясаніи начаша блудъ творити с чюжими женами и с сестрами; и потомъ приступиша ко идоломъ и начата жертву приносити имъ; и в томъ часѣ разступися земля и пожре ихъ двѣ тмы и 3000. Сего бо образъ мучения показа всѣмъ согрѣшающимъ и не творящимъ воли Божіи. Того ради, братіе и сестры, блюдитесь и нелюбите бѣсовскихъ игръ беззаконныхъ, паче же плясанія удаляйтеся, да не злѣ в муку вѣчную осуждени будете.³

Поучения, подобные процитированному «Слову Иоанна Златоуста о играх и плясаніи», были широко распространены в учительных сборниках того времени, таких как «Измарагд» и «Пчела». Образность жертвы часто использовалась

¹ Срезневский И. И. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного препод. Феодосию Печерскому // Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных памятниках. СПб., 1867. Т. I–XL. Вып. III. С. 34–43.

² Поучение блаженного Феодосия, игумена Печерского, о казнях Божиих // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1856. Кн. II. Вып. 2. С. 196.

³ Слово святого Иоанна Златоуста о играх и о плясаніи // Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 104.

для обличения самых разных грехов. В другом «Слове» Иоанна Златоуста с горечью отмечается, что жертвы приносят те, кто называет себя христианами:

И надъ источники свѣща вжагающа, и кумирьскую жертву ядять, и кровь и удавленину (речь идет о приписываемом язычникам «нечистоядению» — *А. П.*), и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтоно. Многа ина подобная симъ. Како крестьяни нарещися имуть, а сице творяще.¹

В том же слове составитель-переводчик использует поразительно яркую, едва ли не публицистическую образность в обращении к жертвенным «курам»:

Имже невеглаши челоувѣчи молятся, и куры имъ режють. О убогая курята, оже не на честь святымъ породися, ни на честь вѣрнымъ челоувѣкомъ. Но на жертву идоломъ режються, и то блутивше сами ядять <...> не токмо же преже в поганьствѣ. Но мнози и нынѣ то творят.²

С более серьезными, почти богословскими намерениями к объяснению отличий прежних жертв от бескровной жертвы Христа подходят проповедники Иларион Киевский (XI век) и Кирилл Туровский (XII век). Отмена жертв и праздник воскресения Христа становятся главной темой «Слова на Фомину неделю» Кирилла Туровского:

Ветхый же законъ отнудъ обнища, отверженіе бо тельча крови и козлиа жертвы: единъ бо Христось собою самъ къ Отцу за всѣхъ жрътву възнесе³;
Днесь новымъ людемъ воскресеніа Христова поновленіа празникъ, и вся новая Господеви приносится: отъ языкъ вѣра, и отъ христіанъ требы, и отъ іереи святыа бескровныа жертвы.⁴

Проповедник XII века призывает к приношениям иного порядка:

---

¹ Слово святого Отца нашего Иоанна Златоуста... // Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 239.

² Там же. С. 237–238.

³ Кирилл Туровский. На Фомину неделю // Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 136.

⁴ Там же. С. 140.

Принесемъ ему преже реченныя добродѣтели, да воспріимемъ Божію милость, бо не лишитъ добра приходящихъ къ нему съ вѣрою.¹

Та же тема победы христианства над «ветхим законом» вынесена и в заглавии «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского, который символически противопоставляет жертвенную кровь и чистую кровь Христа:

И уже не идолослужителе зовемся, нъ христианин, не еще безнадежници, нъ уповающе въ жизнь вѣчную. И уже не капище сътоино съграждаемъ, нъ Христовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, нъ Христос за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу и Отцю. И уже не жертьвенныя крове въкушающе, погыбаемъ, нъ Христовы пречистыя крове въкушающе, съпасаемся.²

Это означает, что книжники различали «жертву» и «жертвенность» (условное понятие, которого нет в древнерусских текстах, но которое помогает обозначить иной полюс слова «жертва»): если несправедная жертва характеризовалась как языческая и нечистая, то жертвенность была проявлением смирения перед Богом, глубокого душевного признания его воли. Так, в древнерусских памятниках частотна цитата из 50-го Псалма, своеобразная библейская установка на жертвенность:

Жертва бо Богу духъ скрушенъ, сердца смирена николи же не уничтожитъ, жертва бо Его подъ языкомъ ти, и законъ Его посреде чрѣва ти³ —

пишет монах Яков в своем послании князю Дмитрию Борисовичу. Далее Яков подчеркивает и то, что непрерывная молитва не уступает мученичеству по силе подвига:

Мука есть в мысли тайна, симъ и безъ желѣза можемъ быти мученици, аще бо бы молился за пакостьники, того и бѣси бояться.⁴

¹ Там же. С. 137.

² Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Подг. текста и комм. А. М. Молдована; пер. диак. А. Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 38.

³ Послание Якова-чернорица к князю Дмитрию Борисовичу / Подг. текста, пер. и комм. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 386.

⁴ Там же. С. 388, 390.

На жертву Богу направлен и монашеский труд. Так, в Киево-Печерском патерике труд блаженного Спиридона-проскурника в монастырской пекарне описывается следующим образом:

В пекленицю прииде, руками свершаше работу со всяцѣм говѣнием, жертву чисту Богови принося от своего труда. Плод же устенный, — жива словеснаа жертва, — из того приношашеся от всѣх и за вся всемогущему Богу: беспрестани поя Псалтирь, ту на всяк день скончеваше; или дрова сѣка, или тѣсто мѣся, се въ устаѣх имѣаше.¹

В этом примере важно сопоставление устной (духовной) и предметной жертвы: Спиридон выпекает просфоры — тело Христово, хлеб, используемый для таинства евхаристии. Создатели патерика характеризуют молитву как «живую» жертву. Вероятно, этот эпитет имел устойчивый характер и высвечивал особый смысл жертвы, угодной Богу. Феодосий Печерский, например, сравнивает латинскую веру с языческой и ставит католиков в один ряд с теми, кто приносит «мертвую» жертву дьяволу; православие он характеризует как религию «живой» жертвы:

Вы же есте мертвиі, мертву жертву здѣваете, а мы живу Богу живу жертву приносим, — чисту, непорочну і животь вѣчный обрѣсти. Тако бо писано: «Воздасться комуждо по дѣлом его».²

Обобщая оценки, которые книжники давали жертве, можно сказать, что жертва, поданная в текстах в негативном ключе, связана с языческим или дьявольским миром, с нечистой и греховной стороной человека, зачастую с обрядовостью и непосредственно с жертвоприношениями. Устойчивость подобных оценок позволяет говорить об «этикетном»³ характере упоминаний жертвы и ставить вопрос о топике жертвы в древнерусской литературе. Надо сказать, что по-

¹ Киево-Печерский патерик / Подг. Л. А. Ольшевская // Древнерусские патерики / Изд. подг. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 67. («Литературные памятники»).

² Цит. по: *Еремий И. П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 173.

³ О значении литературного этикета для поэтики см.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 80–102.

стоянные упоминания о жертвоприношении тем или иным существам в древнерусских обличениях рано или поздно становятся общим местом, таким же общим местом для литературы является жертвенность, соотносимая с подвигом Христа.

Общее место это носит характер не цитаты или литературной формулы: скорее речь идет о понятии, вокруг которого выстраивается определенный сюжет. В определении топоса мы разделяем точку зрения Т. Р. Руди, высказанную ею в программной статье о топике в древнерусской агиографии: «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи».¹ В этом ряду нас интересуют последние элементы.

Проблемой, остро встающей перед исследователем топоса жертвы (если признать его существование), становится определение тех литературных явлений, которые в него входят. В творческом сознании книжника, несмотря на отсутствие соответствующих смыслов в лексическом значении слова, абстрактная идея жертвы должна присутствовать и выражаться через какие-то другие слова, возможно, даже принадлежащие другому семантическому полю. Для того чтобы обозначить проблему, приведем цитату из Поучения митрополита Никифора в Неделю сыропустную:

Аще ли то не мощно. поне да великїи рѣзь остави, еже яко змѣа изъѣдають окалнїи оубвгїа. аще ли постишиса; емлеши же рѣзь на брате, никоеа же ти пользы бысть. поста бо са мниши себе, а масо ядыи; не маса ввчѣа, ни инѣх сквѣтих же ти повельно; но плоть братню. рѣжа его жилы, и закалаа его злымъ ножемъ лихоиманїемъ, неправедныа мзды, тажкаго рѣза.²

¹ Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. С. А. Семячко и Т. Р. Руди. СПб., 2005. Т. 1. С. 61.

² Поучение митрополита русского Никифора в Неделю сыропустную / Предисл. к публ. В. В. Милькова и С. М. Полянского, подг. текста В. В. Милькова и С. В. Мильковой, комм. А. И. Макарова и С. М. Полянского // Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: Святитель, писатель, мыслитель. М., 2016. С. 332. (Памятники древнерусской мысли: Исследования и тексты. Вып. IX).

Речь идет о грехе «великого реза» — высоких долговых процентах, которые заимодавцы наложили на своих должников. Яркая образность закалывания «злымъ ножемъ» плоти христианских братьев и поедания их мяса в пост не могла не напоминать греховного жертвоприношения.

Почти та же проблематика затронута в одной из статей Изборника 1076 года, в которой говорится о приношениях Богу из средств убогих — человек, лишаящий их хлеба или задерживающий плату, проливает кровь и тем самым приносит нечистую жертву:

Приноси са жьртвоу оть неправды, приношение его небрѣгомо есть: ни множествъмъ жьртвъ не отьпоустити са грѣхъ. Яко же закалаяи сына прѣдъ отьцъмъ его, тако приноси жьртвоу оть имѣния оубогихъ. Хлѣбъ бо плть ихъ, животъ убо ихъ, лишаяи же его чловѣкъ кровь проливаяи есть. Яко же проливаяи кровь, тако же оудържави мьзду наимъника.¹

В данном случае, в отличие от первого контекста, где речь шла о посте, имеются в виду материальные приношения Богу, т. н. десятина.

О необходимости очиститься от грехов, прежде чем воздевать руки для «жертвы вечерней» (молитвы), упоминается в приписываемом Феодосию Печерскому поучении:

Молю вы, братіе, съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ, на молитвѣ, и во истинну молящися, речем: «да ся исправить молитва моа, яко кадило предъ тобою, въздѣние руку моею жертва вечерная.» Да еще руцѣ твои ничтоже имата грабленія: добрѣ то глаголеши, река: «въздѣние руку моею.» Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистаго рѣзоиманья. Аще ли еси грабилъ, или приклады ималъ, или корчемный прикупъ, или кого чѣмъ приобидѣлъ еси, еже святое писаніе отрекло: то не глаголи, не възвышай руки си, дондеже очистишися отъ всего зла.²

Если в первых двух контекстах происходит метафоризация греха через кровавые жертвенные образы, то в послед-

¹ Изборник 1076 г. / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. С. 386–387.

² Поучение блаженного Феодосия, игумена Печерского. С. 195.

нем поучении сохраняется нечистота жертвы, которой во всех случаях противопоставлена чистота угодной Богу духовной жертвы,¹ — то, что мы склонны называть «жертвенностью».

То значение слова жертва («человек невинно в каком-нибудь случае погибший»²), которое не встречается в памятниках в словесном употреблении, как бы напоминает о себе страданиями людей, упомянутыми выше. Напоминают о нем и судьбы православных мучеников, некоторые из которых в буквальном смысле были принесены в жертву: Феодор Варяг и его сын Иоанн, Игорь Ольгович, Евстратий Постник и др. Отдельно стоит сказать о смерти блаженного Евстратия Постника, которая описана в Киево-Печерском патерике:

Минувшим же днем 14, оста мних един живъ, бѣ бо постник от млад ноготь. Видѣвъ же жидовин, яко сей мних вина бысть погибели злата его, еже на плѣненных вда на 50, и сдѣя Пасху свою.³ —

некий еврей приносит Евстратия в жертву на иудейский праздник Пасхи, глумясь над жертвой Христа:

...по писаному во Евангелии, иже на Господа нашего сотвориша, Иисуса Христа, — поругавшися ему, пригвоздиша и ко кресту.⁴

Подобные случаи (особенно принесение людей в жертву божеству) не так многочисленны в литературе Древней Руси, что, конечно, не должно удивлять. Гораздо больший интерес для исследования топоса жертвы в его динамике представляют переходные случаи, в которых топос жертвы не ограничивается нечистотой, греховностью и насильственностью, но также неизбежно перекликается с культурой духовной жертвы, вступая с ней во взаимодействие, что особенно проявляется в изображении человека. Материальная жертва и положение человека-жертвы оказываются связанными на

¹ Описание схожих процессов в связи с концептом «грех» см.: *Кондратьева О. Н.* Метафорическая репрезентация религиозных концептов в литературе Древней Руси // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 36–47.

² Словарь Академии Российской. Ч. 2. Стлб. 1187.

³ Киево-Печерский патерик. С. 24.

⁴ Там же.

уровне языка. Добровольность жертвы, преодоление положения пострадавшей стороны, жертвенный пафос, внутренний подвиг, соотнесенность с подвигом Христа — вот те характеристики «живой» жертвы, которые способны редуцировать внешний трагизм, бессмысленность страдания и смерти.

Именно жертвенность, добровольная смерть, подобная жертве Христа, легла в основу церковного прославления едва ли не первых русских святых — князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Однако, учитывая сложный религиозный контекст времени после принятия христианства, нельзя отрицать и влияния на борисоглебский культ другого полюса жертвы (того, что связан с образами крови и т. п.). Данная тема не раз привлекала внимание исследователей: о связи памятников Борисоглебского цикла с ритуальной и мифологической образностью писали В. Н. Топоров, на богатом этимологическом материале связавший жертву князей с уходящими в глубокую древность представлениями о святости,¹ Л. С. Соболева, обратившаяся к фольклорно-мифологическим истокам культа Бориса и Глеба,² А. М. Ранчин, в частности, рассмотревший формирование культа святых в широком религиозно-культурном и типологическом контексте.³

Основания для подобных разысканий дают создатели памятников Борисоглебского цикла, принадлежащих к числу наиболее ранних произведений оригинальной древнерусской литературы (XI–XII века), оперируя понятием «жертва» и изображая по-настоящему жертвенную, ритуальную, насильственную смерть по крайней мере одного из святых братьев — Глеба. Во многих памятниках цикла есть сцена⁴ убийства Глеба убийцами, посланными Святополком уже после смерти Бориса:

¹ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: [В 2 т.] М., 1995. Т. 1. С. 413–508.

² Соболева Л. С. Культ святых Бориса и Глеба в фольклорно-мифологическом пространстве // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 138–156.

³ Ранчин А. М. Памятники Борисоглебского цикла: Текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М., 2017. С. 196–277.

⁴ Текстологический анализ этого места не входит в цели данной работы: достаточно того, что в отрывках текстов каждого из жанров присутствуют те явления, о которых дальше пойдет речь.

Оканьный же поваръ не поревноваше оному, иже бѣ палъ на святомъ Борисѣ, нѣ уподобися Июдѣ предателю: изволкъ ножь свой и ятъ святого Глѣба за честную главу, хотя и заклати. Святыи же Глѣбъ молчаше, акы агня незлобиво <...> поваръ, ставъ на колѣну, закла и главу святому и прерѣза гортань его.¹

Тѣгда оканьный Горясѣръ повелѣ зарѣзати и вѣборзѣ. Поваръ же Глѣбовъ, именьмъ Тѣрчинъ, изымъ ножь и имъ блаженаго, и закла яко агня непорочно и безлобиво. Мѣсяца сентября въ 5 днь, въ понедѣльникъ. И принесеся жѣртва чиста Господеви и благовоьна, и възиде въ небесныя обители къ Господу, и узрѣ желаемаго си брата, и възсприаста вѣньца небесныя, егоже и възжелѣста, и възрадовастася радостию великою, неиздреченною, юже и улучиста.²

Поваръ же Глѣбовъ, именьмъ Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесеся на жертву Богови, в вою благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнецъ, вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимъ неиздреченною радостю, юже улучиста братолюбьемъ своимъ.³

Поваръ же Глѣбовъ, именьмъ Тѣрчинъ, вынѣзъ ножь, зарѣза господина своего. Акы агня непорочно, принесеся на жѣртву Богови, въ вою благоуханья, и прия вѣнецъ, вшедъ въ небесныя обитѣли, и узрѣ желаемаго брата Романа...⁴

В древности именно повара были людьми, занимавшимися принесением жертв — приготовление пищи было глупо соотносено с жертвоприношением божеству.⁵ Действие, совершаемое поваром Торчином над Глебом, описывается такими словами, как «закла», «прерѣза», «зарѣза»; использование ножа и удержание «за главу» тоже отсылает к дохристианской ритуальной семантике. На создание образности

¹ Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 13. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 2).

² Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе // Там же. С. 42–43.

³ Летописная повесть о убиении святых мучеников Бориса и Глеба // Там же. С. 70.

⁴ Проложные сказания // Там же. С. 97.

⁵ О взаимосвязи приготовления пищи, ритуала жертвоприношения и литературных сюжетов см., например: Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Подг. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. М., 1997. С. 134 и далее.

жертвы в таких ранних литературных текстах, как памятники Борисоглебского цикла, работает своего рода «ритуализация» художественного языка: не через абстрактную семантику, с которой мы имеем дело в словарной статье, а через конкретные и зримые жертвенные образы, в т. ч. подобные упоминания о пролитии крови:

Земля Руская благословися ваю кровью, и мощми положениемъ въ церкви...¹

Земля освятится всьчесною кровію вашею, и человьци обогащяшеся вами...²

К сходным, на первый взгляд, описаниям в древнерусской литературе и фольклоре процесса основания города или Русской земли на крови убитой жертвы обращается М. Б. Плеханова (по сути речь идет о строительной жертве как государственной мифологеме),³ однако в контексте культа Бориса и Глеба важное место занимает добровольность жертвы, ее «радостный» для братьев характер, поэтому трактовка книжниками этой смерти принципиально иная. Убийство Бориса и Глеба с позиции православного книжника и не может быть жертвоприношением: это убийство, причем убийство, организованное братом-христианином, которого за грехи накажет Господь. Главная христианская ценность смерти святых князей заключается даже не в той благодати, которая пришла на Русскую землю, а в духовном воскрешении, христианском спасении через переживание страстей, подобно Христу.

Именно этим обусловлен и другой образный ряд жертвы в тех же фрагментах. Умиравший Глеб определяется следующими эпитетами: святой, агнец непорочный и незлобивый; его жертва «словесная», «чистая» и «в воню благоуханья»; святой входит в небесную обитель и принимает венец от самого Господа. Безусловно, это символика и образность христианской культуры, заимствованная из текстов Священ-

¹ Летописная повесть о убиении святых мучеников Бориса и Глеба. С. 77.

² Церковные службы // Там же. С. 154.

³ Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 145–170.

ного Писания, много здесь и от Христовой жертвы, в т. ч. добровольность. Отсюда молчание Глеба и непротивление — по сути, самопожертвование, хотя понятие «жертва» в переносном значении здесь не используется.

Не исключено, что носитель древнерусского языка не мог назвать Глеба жертвой в прямом значении, поэтому не происходит этого и в текстах. Причина этого, должно быть, заключается в том, что слово «жертва» не распространялось на человека, поскольку еще была сильна ритуальная семантика жертвоприношения (к которой, несмотря на это, активно прибегал язык художественного произведения), но в то же время христианский культурный контекст подсказывал, что истинная жертва нематериальна и находится в другой системе ценностей.

Этот процесс взаимной переходности «жертвы» и «жертвенности» не ограничивался языком и литературой: на протяжении веков в явлении жертвы парадоксально уживались материальность и духовность, чистота и кровь. Так, в большей части православного мира распространена легенда (и соответствующий обряд) о жертвенном олене, который *добровольно* выходит из леса и отдает себя в жертву¹; практика публичных жертвоприношений была распространена в Византии, особенно в связи с престольными праздниками и освящением храмов.² С. Н. Радойчич обратил внимание на охранительную функцию изображения умершего отрока — юной и непорочной жертвы — при сербском церковном входе в XV веке.³

Исследователя, обнаруживающего подобные явления в древнерусской литературе, особенно в ее ранних текстах, вряд ли можно порицать за попытку «уличить», по выражению

¹ Мороз А. Б. Легенда о жертвенном олене: География, варианты, источники, параллели // *Ethnolinguistica Slavica: К 90-летию акад. Н. И. Толстого*. М., 2013. С. 212–233.

² Барбанов Н. Д. Благочестивые заклания: Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // *Византийский временник*. 2004. Т. 63 (88). С. 89–113.

³ Радойчич С. Н. Изображение отрока при церковном входе в сербской живописи начала XV века / Пер. с серб. М. Д. Семиз // *Византия; Южные славяне и Древняя Русь; Западная Европа: Искусство и культура: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева*. М., 1973. С. 324–332.

А. М. Ранчина,¹ древнерусского книжника. Внимательный взгляд на функционирование в древнем тексте отдельного понятия способен прояснить не только некоторые вопросы поэтики и сюжетообразования конкретного текста, но и обозначить проблемы более общего характера.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие жертвы, литературный топос, формирующий вокруг него, шли по двум отделенным друг от друга не самым строгим образом направлениям:

1) то, что традиционно осуждается книжниками как греховное действие: приношения божествам, ритуальные убийства — проявления нечистого материального мира;

2) «живая», духовная жертва: молитва, пост, мученичество, добровольные страдания, в т. ч. муки Христа — иначе говоря, «жертвенность».

Однако в литературе есть и переходные случаи, как в памятниках Борисоглебского цикла: для описания жертвенного подвига используется образность жертвоприношения, преступления, и подобные «рецидивы» не редкость в культуре. Но в то же время в литературе Древней Руси внутри топоса жертвы наблюдается зарождение конфликта между «жертвой» и «жертвенностью», который логично продолжает христианскую тему спасения через внутреннюю жертву.

Намеченные пунктиром подвижки семантики понятия в сторону абстрактности показывают, что литература уже на раннем этапе приближалась к изображению трагического внутреннего конфликта, заключающегося в гибельности для человека и его души нахождения на положении безвольной жертвы. Древнерусская литература противопоставила этому четко сформулированные религиозные идеалы спасения: жертвенности, самопожертвования, смирения, и духовного возрождения, к которым должны были оказаться готовы ее герои. Сложный процесс осмысления и постановки конфликта внутри топики жертвы, безусловно, явился достижением поэтики и художественной антропологии ли-

---

¹ Ранчин А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). Июнь. С. 69–81.

тературы XI–XIV веков, его усложнение и нарастание противоречий случится позднее вместе с переменами в самой культуре. Функционирование слова «жертва» в Новое время и семантическое расширение в XVIII веке, о котором шла речь в начале статьи, призваны стать предметом отдельного исследования — «обмирщение» культуры было сопряжено и с усилением личностного начала, антропоцентризмом, на который указывают и новые, переносные значения этого слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
2. *Барабанов Н. Д.* Благочестивые заклания: Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // Византийский временник. 2004. Т. 63 (88). С. 89–113.
3. *Бушкевич С. П.* Жертва, жертвоприношение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 208–215.
4. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. М.; Харьков, 1913–1916.
5. *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991.
6. *Живов В. М.* История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 5–26.
7. *Кондратьева О. Н.* Метафорическая репрезентация религиозных концептов в литературе Древней Руси // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 36–47.
8. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.
9. *Мороз А. Б.* Легенда о жертвенном олене: География, варианты, источники, параллели // Ethnolinguistica Slavica: К 90-летию акад. Н. И. Толстого. М., 2013. С. 212–233.
10. *Петкевич А. В.* Жертвоприношение в русской символической картине мира: Магистерская дисс. Екатеринбург, 2007. (На правах рукописи).
11. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
12. *Радойчиц С. Н.* Изображение отрока при церковном входе в сербской живописи начала XV века / Пер. с серб. М. Д. Семиз // Византия; Южные славяне и Древняя Русь; Западная Европа:

- Искусство и культура: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 324–332.
13. Ранчин А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). Июнь. С. 69–81.
  14. Ранчин А. М. Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М., 2017.
  15. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. С. А. Семячко и Т. Р. Руди. СПб., 2005. Т. 1. С. 59–101.
  16. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
  17. Соболева Л. С. Культ святых Бориса и Глеба в фольклорно-мифологическом пространстве // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 138–156.
  18. Срезневский И. И. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного препод. Феодосию Печерскому // Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных памятниках. СПб., 1867. Т. I–XL. Вып. III. С. 34–43.
  19. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: [В 2 т.] М., 1995. Т. 1.
  20. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Подг. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. М., 1997.

REFERENCES

1. Anichkov E. V. YAzychestvo i Drevnyaya Rus'. SPb, 1914. (In Russ.)
2. Barabanov N. D. Blagochestivye zaklaniya: Tradicii publicnyh zhertvoprinoshenij v vizantijskom prihodskom pravoslavii // Vizantijskij vremennik. 2004. T. 63 (88). S. 89–113. (In Russ.)
3. Buschkevitch S. P. ZHertva, zhertvoprinoshenie // Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar': V 5 t. M., 1999. T. 2. S. 208–215. (In Russ.)
4. Eremina V. I. Ritual i fol'klor. L., 1991. (In Russ.)
5. Frejdenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra / Podg. teksta i obshch. red. N. V. Braginskoj. M., 1997. (In Russ.)
6. Gal'kovskij N. M. Bor'ba hristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnej Rusi: V 2 t. M.; Har'kov, 1913–1916. (In Russ.)
7. Kondrat'eva O. N. Metaforicheskaya reprezentaciya religioznyh konceptov v literature Drevnej Rusi // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2011. № 4. S. 36–47. (In Russ.)
8. Lihachev D. S. Poetika drevnerusskoj literatury. 3-e izd., dop. M., 1979. (In Russ.)

9. *Moroz A. B.* Legenda o zhertvennom olene: geografiya, varianty, istochniki, paralleli // *Ethnolinguistica Slavica: K 90-letiyu akad. N. I. Tolstogo. M., 2013. S. 212–233. (In Russ.)*
10. *Petkevich A. V.* ZHertvoprinoshenie v russkoj simvolicheskoj kartine mira: Magisterskaya diss. Ekaterinburg, 2007. (Na pravah rukopisi). (In Russ.)
11. *Plyuhanova M. B.* Syuzhety i simvolyy Moskovskogo carstva. SPb., 1995. (In Russ.)
12. *Radojchich S. N.* Izobrazhenie otroka pri cerkovnom vhode v serbskoj zhivopisi nachala XV veka / Per. s serb. M. D. Semiz // *Vizantiya; YUzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'; Zapadnaya Evropa: Iskusstvo I kultura: Sb. statej v chest' V. N. Lazareva. M., 1973. S. 324–332. (In Russ.)*
13. *Ranchin A. M.* O principah germenevticheskogo izucheniya drevnerusskoj slovesnosti // *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. 2001. № 2 (4). Iyun'. S. 69–81. (In Russ.)*
14. *Ranchin A. M.* Pamyatniki Borisoglebskogo cikla: tekstologiya, poetika, religiozno-kul'turnyj kontekst. M., 2017. (In Russ.)
15. *Rudi T. R.* Topika russkih zhitij (voprosy tipologii) // *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikacii. Polemika / Pod red. S. A. Semyachko i T. R. Rudi. SPb., 2005. S. 59–101. (In Russ.)*
16. *Rybakov B. A.* YAzychestvo Drevnej Rusi. M., 1987. (In Russ.)
17. *Soboleva L. S.* Kul't svyatyh Borisa i Gleba v fol'klorno-mifologicheskom prostranstve // *Tradiciya i literaturnyj process. Novosibirsk, 1999. S. 138–156. (In Russ.)*
18. *Sreznevskij I. I.* Istochnik poucheniya, vnesennogo v Povest' vremennyh let i pripisannogo prepod. Feodosiyu Pecherskomu // *Sreznevskij I. I. Svedeniya i zametki o maloizvestnyh pamyatnikah. SPb., 1867. T. I–XL. Vyp. III. S. 34–43. (In Russ.)*
19. *Toporov V. N.* Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture: [V 2 t.] M., 1995. T. 1. (In Russ.)
20. *Zhivov V. M.* Istoriya ponyatij, istoriya kul'tury, istoriya obshchestva // *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni / Pod red. V. M. Zhivova. M., 2009. S. 5–26. (In Russ.)*